

А когда корявая строка,
а слова – запутанный клубок?
А когда не ведает рука,
что в разнос пульсирует висок
и душа впадает в немоту?
А когда заботы – в полный рост?
А когда совсем неумогу
оттого, что жизнь коту под хвост?

А тогда веревка,
или яд,
или водки беспробудный хмель,
или ... шалью станет первый ряд
из неверно набранных петель.

МАМЕ

Суровым октябрем, несметною рябиной
приметы удручат в преддверии зимы:
в тревоге будем ждать, как в дом ползет иней
и ветхий кров ничем не отогреем мы.

Продрогшую избу лизнет в окошки стужа,
трескучая на слух, все бревна перечтет.
Лютующий мороз – досада, а не ужас:
пересидим январь, а там и март придет.

Припасены дрова, фуфайки, шапки, пимы.
У немощи в плену, но все-таки вдвоем
с тобою как-нибудь мы перетерпим зиму –
не вечная она. Поди, переживем!

СУББОТА

Суматошным банный день бывал:
всю семью он в кучку собирал.
Не хватало иногда воды –
доливали. Это полбеды.

Банный день, суббота, тишина –
баню я теперь топлю одна.
«С легким паром!» некому сказать.
Ничего. Я стала привыкать.

***

Я дома возводила, в которых потом не жила,
и полжизни ушло на попутки меж двух деревень.
И любовь неземная со мной невзаимной была,
а земная не грела и в самый засушливый день.

Я устала от строек, дорог и своей нелюбви.
Как без этого жить, я покуда не знаю сама.
Унимаю усталость, но только и вижу вдали,
что огарок мечты задувает метелью зима.

***

Я обращаюсь к солнцу и луне.
Бывает, разговариваю с ветром.
Бывает, ветер отвечает мне,
но тут же забывает сам об этом.
Я не в обиде – ветру недосуг,
да он еще и ветреник к тому же...
И даже дождь бывает мне как друг,
когда мои слезинки прячет в луже.

8 МАРТА

Восьмого утром баба топором
ломала лед, намерзший у колодца.
А в небе расплескалось море солнца.
И птичий гомон слышался кругом.
И в сельском клубе ставили цветы
на праздником окутанную сцену...
А женщина, себе не зная цену,
привычно натаскала в дом воды,
и печку затопила, а потом
еще полдня с обедом хлопотала –
восьмого марта гостя поджидала,
абы какого, баба-ледолом.

***

Оглянуться боюсь, и вперед страшно вато смотреть.
Кто я? Что и зачем? И нужны ли кому-то ответы?
В глухоты своей доводилось и плакать, и петь.
Что еще доведется? И кто мне расскажет об этом?

Не успела за тем и за этим уже не спешу:
Ни чинов, ни деньжищ, ни наград, ни почета, ни званья.
И у трудной судьбы я давно ничего не прошу,
Кроме легкой судьбы своим детям, а мне – покаянья.

И с Кольёлем расстаться наверно уже не смогу –
деревенщина я.
Ни о чем мне Коэльо с Ремарком.
Что удержит меня?
Скромный домик, да жизнь на бегу,
да на жалких листочках небрежно – сплошные помарки.

НАКАНУНЕ

Еще не ослепившее сомненье
затешилось, но сердца не прожгло.
Еще едва заметное волнение
меня в пучину бурь не унесло.
Еще не сносит крышу робкий ветер,
предчувствие вороной не кричит.
Но уши настораживает вечер,
свернувшийся клубочком на печи.

ПОПУТЧИКУ

А я тебе зачем-то про стихи,
про музу и крылатого коня,
про лезвие отточенной строки,
зажатое в ладони у меня.

Потом еще про горные слова,
про звездопад и майскую метель...
Зачем я в эту даль тебя вела,
когда ты звал настойчиво в постель?

***

Скукота предзимья, тусклый свет,
чудом одолевший толщу лет.
Морозящим муторным дождем
время истекает хмурым днем.

Серый лес, безрадостно-чужой,
серый луг, задушенный водой,
дряхлой пашни серая тоска...
кажется, что серость – на века.

Но воздушный двинется поток,
небо рассупонится чуток.
Время, застывая на ветру,
инеем окажется к утру.

***

С тобой – из ничего и ниоткуда –
пришла и распалила душу мне
слепая страсть – любовь или причуда
У дикой безысходности на дне.

К тебе, наверх, карабкаюсь из бездны
и понимаю, что не дотяну:
мне руки сводит холодом железным,
и сердце ощущает слабину.

Все дальше ты, и голос твой зовущий
моей душой почти неразличим.
Но, к высоте заоблачной ползущей,
мне виден свет. И мне не страшно с ним.

***

Едут на Мальдивы и Багамы
новоиспеченные мадамы.
А в Египет с Турцией на пару
просто, как пройтись по Сыктывкару.
В иноземных даях диву много,
вот народ и тянется в дорогу.
Ничего зазорного не вижу
в том, чтобы дорваться до Парижу.
Но вкусив заморского немножко,
тянет на родимую картошку.

***

Я жду тебя, а в дверь стучится вьюжный ветер.
Когда усталый снег прилепится к окну,
я растоплю очаг мечтаньями о встрече
и строчкою стиха к руке твоей прильну.

Касанья моего ты даже не заметишь
и не поймешь, что снег теплее, чем всегда.
Мечты сгорят дотла, и ты меня не встретишь,
и по стеклу стечет соленая вода.

***

Я с судьбой своею взапуски
бегала за горнею мечтой.
Здравому рассудку вопреки
все мосты сжигала за собой.

Спотыкалась о любой пустяк
и сдирала кожу до костей.
Надрывала сердце за пятак
ни гроша не стоивших страстей.

Задыхаясь, прерываю бег –
все мечты тщетой перемело.
Я на раны щедро сыплю снег,
а не жжет! Наверно, заросло.

***

Разбивая вдребезги стекло
юной льдины,
выгребало старое весло
на стремнину.

Утлой лодки серые бока
обжигала
холодом неверная река –
замерзала.

Но весло упрямее реки
в эту осень.
И всего-то надо две руки,
надо очень.

***

Видно, погреться
в мой дом заглянула зима.
Печь протоплю,
не жалея березовых дров.
Книга откроется там,
где захочет сама –
гостье незваной
я выбрала сборник стихов.

К чаю горячему
в доме одни сухари.
С чаем вприкуску
прочтутся любые слова.
Что не поймет,
пусть заглянет зима в словари,
что не приглянется,
выкинет пусть на дрова.

В РОДИТЕЛЬСКУЮ СУББОТУ

По родительским субботам
ходят близких поминать.
В эту скорбную заботу
я старалась не вникать –

жизнь не баловала, точно,
но от горя берегла.
Я ведь в маменькиных дочках
полстолетия была.

А теперь в её избушке
свет в окошке не горит,
моя матушка-старушка
на дорогу не глядит...

По пунктирам хвойных лапок
проводив в последний путь,
на кладбищенскую лавку
я присела – помянуть.

***

Устало шаркая, сутулясь
уходит день.
На ленты вытопанных улиц
ложится тень.
Смолкают скрежеты и лязги,
в вечерней мгле
мельчают замыслы и дрязги.
И налегке
знакомой поступью бродяги
шагает ночь.
И отступают передрыги,
заботы – прочь.
И если спрятано ненастье,
то тишина
меня уводит в одночасье
в чертоги сна.

7 ИЮНЯ

То ли ветер, то ли время
лепестки цветов рябины
рассыпает по округе
в изумрудную траву...
растранжирив понапрасну
жизни срок до половины,
на вторую половину
понадеявшись, живу.

ПОСЛЕ ПОЭТИЧЕСКОГО МАРАФОНА

Было светло и грустно.
И не понять,
что собирает людей в этот гулкий зал:
то ли осталось еще, что себе сказать,
то ли тебе кто-то главного не сказал.

Было светло и грустно.
И так легко
слезы и смех находили себе друзей –
И было просторно тому, кто летал высоко.
А тем, кто из омута, попросту было больней.

Было светло и грустно:
в потоке фраз
душу свербели и жгли не мои слова –
то ли еще не пришел мой заветный час,
то ли на этот час мной утрачены все права.